

Какъ мужикъ гречиху покорилъ *)

иль-быль въ одной деревнѣ мужикъ Филать, куда, какъ на работу плоховать. Ему бы землю пахать, а онъ только и норовить, какъ бы на боку лежать. Разъ припелся Филать откуда-то домой, жена ему и говоритъ: «Эхъ ты, лодырь: я ужъ и гречиху безъ тебя обмолотила! Пошолъ бы ты, да хоть въ мѣшки ее ссыпаль.» — «Ладно.» Пришелъ Филать на

гумно, сѣлъ на солому и думаетъ: «Ишь, сколько гречихи баба намолотила. Когда-то еще ее въ мѣшки всыпешъ. То-ли дѣло, кабы гречиха сама въ мѣшки влѣзла. Ну-ка, попробую».

Сказано — сдѣлано. Раскрылъ онъ мѣшокъ и говоритъ: «Гречиха, а гречиха! Полѣзай въ мѣшокъ.» А гречиха ему: «Били меня, колотили меня, да чтобъ я еще въ мѣшокъ сама лѣзла. Не хочу!» — «Ахъ ты, такая-сякая; хозяйина не слушаешься! Погоди-жь, я съ тобой управлюсь. Эй, мыши, идите гречиху ѣсть!» — «Нашолъ дураковъ, — говорятъ мыши, — мы ужъ пшеницы наѣлись; станемъ объ твою гречиху зубы бить!»

Разсердился мужикъ: «Это что за бунтъ, — говоритъ: — и мыши меня не слушаются. Пошлю на нихъ кота-Ваську». Пришолъ домой и говоритъ коту: «Вася, а Вася, иди на гумно мышей ловить: мыши не хотятъ гречиху ѣсть, гречиха не хочетъ въ мѣшокъ лѣзть.» А Васька лежитъ на печкѣ, хвостомъ виляетъ, хозяйину отвѣчаетъ: «Не пойду: у меня и дома мышей ловить, не переловить.»

*) Изложена по вариантамъ: малорусскимъ, белорусскимъ, польскимъ и хорватскимъ.

Еще пуще разсердился мужикъ: «Ну, постой же ты, котъ; вотъ пошлю на тебя собаку,—узнаешь, какъ хозяина не слушаться.» Пошелъ на дворъ и давай кликать: «Жучка, а Жучка! Ступай кота-Ваську давить: котъ не хочетъ мышей ловить, мыши не хотятъ гречиху ѣсть, гречиха не хочетъ въ мѣшокъ лѣзть.» А Жучка свое дѣло знаетъ: хвостомъ виляетъ, къ хозяину идетъ и такую рѣчь ведетъ: «Хоть и говорятъ, что хуже никто не живетъ, какъ кошка съ собакой, только это напраслина. Какъ я стану Ваську давить, коли онъ мнѣ кумъ?»

— Что это у меня дома все непорядки!—думаетъ мужикъ?—Пойду, на Жучку волку пожалуюсь.» Пришелъ въ лѣсъ, видитъ: подъ кустомъ волкъ лежитъ. «Волкъ, а Волкъ! Пойди разорви мою Жучку: Жучка не хочетъ Ваську давить, Васька не хочетъ мышей ловить, мыши не хотятъ гречиху ѣсть, а гречиха не хочетъ въ мѣшокъ лѣзть.»—«Не хочу я идти ѣсть твою Жучку: я сейчасъ барана съѣлъ. Ступай ка ты лучше по добру, по здорovu, пока я тебя самого не разорвалъ.

— Ну, постой же ты, волкъ, — говоритъ мужикъ,—пошлю на тебя людей. Пришелъ въ село и говоритъ. «Пожалѣйте меня, люди добрые; подите, застрѣлите волка: волкъ не хочетъ Жучку душить, Жучка не хочетъ Ваську давить, Васька не хочетъ мышей ловить, мыши не хотятъ гречиху ѣсть, а гречиха не хочетъ въ мѣшокъ лѣзть» — «Ну тебя,—говорятъ мужики,—есть намъ время съ твоими волками путаться. Надо стараться, какъ бы подати заплатить».

— А, коли не хотите мнѣ помочь, пойду, напущу на васъ краснаго пѣтуха». Пошелъ Филагъ къ огню: «Батюшка, ясный огонь, поди, сожги село: мужики не идутъ волка бить, волкъ не идетъ Жучку душить, Жучка не идетъ Ваську давить, Васька не идетъ мышей ловить, мыши не идутъ гречиху ѣсть, а гречиха не хочетъ въ мѣшокъ лѣзть» — «И такъ про меня худая слава идетъ, будто я самъ села жгу,—говоритъ огонь.—Да теперь мнѣ и не досугъ, видишь: я картошку пеку. Не пойду!»

— Погоди же ты, огонь, я пошлю на тебя воду—тутъ тебѣ и конецъ будетъ». Пошелъ мужикъ къ рѣкѣ и давай ее просить: «Матушка, студеная водица, поди огонь гасить: огонь

не хочеть село палить, село не идетъ волка бить, волкъ не идетъ Жучку душить, Жучка не идетъ Ваську давить, Васька не идетъ мышей ловить, мыши не идуть гречиху ѣсть, а гречиха не хочеть въ мѣшокъ лѣзть». — «Отвяжись, — говоритъ вода, — видишь, меня и такъ мало: насилу мельницу верчу. Не пойду!»

— Хорошо же, — говоритъ мужикъ, — пошлю на тебя землю: засыпетъ она тебя, только тебя и видѣли... Кормилица, сыра-земля, только на тебя теперь у меня и надежда. Пойди, засыпь рѣку, а то рѣка не идетъ огонь гасить, огонь не идетъ село палить, село не идетъ волка бить, волкъ не идетъ Жучку душить, Жучка не идетъ Ваську давить, Васька не идетъ мышей ловить, мыши не идуть гречиху ѣсть, гречиха не хочеть въ мѣшокъ лѣзть». — «То-то, — говоритъ земля, — всѣ вы на меня на-дѣтесь. Пойди-ка, возьми лопату да кидай меня въ рѣку. Такъ и быть ужь, тогда я тебѣ рѣку засыплю».

Мужикъ Филатъ тому и радъ, побѣжалъ домой, схватилъ лопату и давай землю въ рѣку кидать. День кидаетъ, два кидаетъ, три кидаетъ — пошла рѣка огонь гасить, пошолъ огонь село палить, пошло село волка бить, пошелъ волкъ Жучку душить, пошла Жучка Ваську давить, пошелъ Васька мышей ловить, пошли мыши гречиху ѣсть, пошла гречиха въ мѣшки лѣзть.

Взяла баба мѣшки, свезла на мельницу, намолоча муки, напекла блиновъ. Тѣ блины и я ѣлъ, наѣвшись, на печи заснулъ — и эту самую сказку во снѣ увидалъ.

